

УДК 94(47+57)“1938/41”
ББК 63.3(2)62
С89

С89 Судоплатов, Павел Анатольевич.
Хроника тайной войны и дипломатии. 1938—1941 годы / Павел
Судоплатов. — Москва : Родина, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-00222-121-9

Легендарный Павел Судоплатов — один из самых успешных агентов Сталина. С ноября 1938 года по июнь 1942 года он входил в руководство отечественной внешней разведки. Благодаря этому была посвящена во множество подробностей советской тайной войны и дипломатии.

Как Сталин за три недели до «Мюнхенского сговора» узнал о готовящейся встрече лидеров Франции, Великобритании, Италии и Германии, которая фактически стала прологом Второй мировой войны? Кто был инициатором советско-германского пакта о ненападении? Что предшествовало советско-финской войне? О чем сообщала советская разведка весной 1941 года? С кем и на каких условиях осенью 1941 года Сталин планировал провести отдельные переговоры? Ответы на эти и другие ключевые вопросы истории XX века в этой книге, долгое время запрещенной к публикации.

УДК 94(47+57)“1938/41”
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-00222-121-9

© Судоплатов П.А., 2023
© ООО «Издательство Родина», 2023

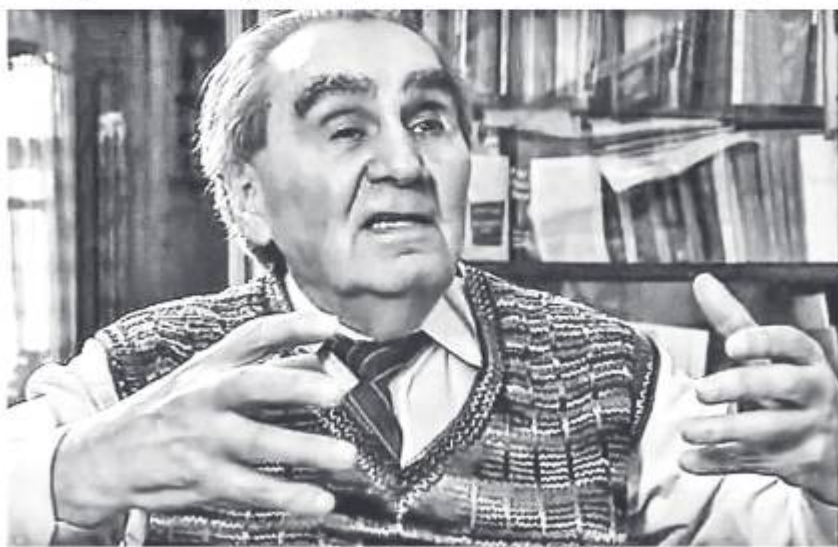
ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Канун войны	10
Эмиграция на службе Советов	43
Советско-германский пакт о ненападении	57
Зимняя война с Финляндией.	73
Специальные операции НКВД на западе страны в 1939– 1940 годах	85
Контакты с англичанами через посла Югославии	107
Успешное завершение операции «Утка».	117
Дата начала войны под вопросом.	133
О репрессиях в органах госбезопасности и разведки.	146
Немецкие спецслужбы против СССР накануне нападения	164
Начало войны	177
Особая группа	211
Начало партизанской войны на коммуникациях немцев	229
Бакинские нефтепромыслы под прицелом	242
Начало разведывательных операций по атомной проблеме.	253
Битва за Москву	268
Отношения с союзниками и тихоокеанская война в 1941 году.	300

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые воспоминания — плод не одного года. В них — моя жизнь. Я пишу лишь о том, что пережил, говорю о тех событиях как свидетель или непосредственный участник. Происхождение некоторых событий, их мотивы мне не всегда были понятны. Не принято было в той системе, в которой проходила моя профессиональная деятельность, быть откровенным, распахнутым. Во всем должна была соблюдаться сдержанность. Иногда я ничего не знал, что происходило в соседнем кабинете. Значение слов, сказанных как бы мимоходом Сталиным, Молотовым, Берией, Микояном, Маленковым и другими руководителями страны, я осознавал значительно позже, после важных событий, произошедших во внутренней жизни и на международной арене.

О значении того или иного человека, его личности, чертах характера судят по его делам. Точно так же можно судить и о государстве. Чем крупнее событие, происходящее во благо страны, тем державнее государство, тем значительнее его вес в мире. По-

Павел Судоплатов в последние годы жизни

чему до сих пор внимание миллионов людей приковано к одному из величайших событий XX века — Великой Отечественной войне 1941–1945 годов? Да потому, что многие пружины, приведшие к победе советского народа в величайшей битве, долгое время были скрыты, неизвестны, о них знали лишь немногие. Только недавно стало известно о тайных операциях, которые проводили наши разведка и контрразведка нередко вместе с советскими дипломатами.

В последнее время в нашей печати появилось немало публикаций с воспоминаниями тех, кто называет себя либо очевидцами, либо участниками крутых поворотов в нашей истории, действий разведки и тайной дипломатии. В этих работах очень много наносного, выдуманных мифов и легенд. Особенно грешат ими те, кто по своему служебному положению в прошлом, как правило, по линии ЦК КПСС, имел значительные возможности ознакомиться с секретными документами из архивов КГБ, МИД. Однако цитируются теми, кто открестился от прошлой партийной работы — В. П. Наумовым и А. Н. Яковлевым — документы всегда выборочно, не полностью. Таким образом, чтобы даже посмертно скомпрометировать неугодных лиц данными из фальсифицированных уголовных дел, утративших свое юридическое значение. По возможности развеять их, снять ненужные наслоения — в этом тоже я вижу свою задачу. Это непростая миссия. Но она необходима. Чтобы точно оценить происшедшее, надо хорошо представлять себе подлинные мотивы акций советского государства в критические периоды нашей истории, отбросив обывательские представления. Чтобы не делать в будущем ошибок, нужно глубоко знать подлинную подоплеку героики и трагедии прошлого. Истины простые, только не все следуют им. Оттого и рождаются мифы, возникают недомолвки, недосказанности, да и просто вымыслы.

Ряд соображений об известных событиях должен стать известным лишь после моей смерти.

В 1939 году, после того как П. Фитина, молодого журналиста, пришедшего сразу на руководящую работу в органы НКВД, недавно окончившего ускоренные курсы разведывательной Школы особого назначения (ШОН), и меня назначили руководителями Иностранного отдела (внешней разведки), Берия, тогдашний нар-

ком НКВД, счел нужным разъяснить нам основные направления наших государственных интересов в тайных взаимоотношениях со странами Запада. Его высказывания со ссылками на «указания тов. Сталина» резко контрастировали с официально провозглашенными на XVIII съезде ВКП(б) целями «советской внешней политики». Считаю нужным воспроизвести их по памяти.

«Не думайте, что ликвидация Троцкого может подменить трудную и важнейшую вашу задачу обеспечения по линии разведки важнейших акций советской внешней политики, — говорил Берия. — Надо научиться защищать методами агентурной работы наши позиции в местах, где у нас переплетены интересы с противником и где без тайного сотрудничества в силу ряда соображений ни англичанам, ни французам, ни американцам, ни японцам, ни немцам без нас не обойтись. И наша разведка должна сопровождать акции действия советской дипломатии, во главе которой поставлен В. Молотов».

И меня, и Фитина удивило, что Берия сказал о том, что наши послы и поверенные в делах в Чехословакии, Китае, Франции, Германии и США выполнили первую часть своей миссии — провели тайный зондаж намерений в сфере взаимных отношений с руководством Англии, Франции, США и Германии. «Мы нужны этим господам, — продолжал он, — поскольку передел господствующих позиций американцев, англо-французов, немцев и японцев в Европе, Китае и на Дальнем Востоке неизбежен в ближайшее время. Тов. Сталин считает, — говорил Берия, — что этот передел выльется в военное столкновение. Для вашей ориентировки имейте в виду, нам, в отличие от царских дуроломов в 1914 году, следует как можно дольше оставаться в стороне от схватки. Мы будем воевать только тогда, когда нам это будет выгодно».

Во время этой встречи мы узнали, что наиболее глубоко тайный обмен мнениями происходил в Германии, Турции, Финляндии, Швеции. Там советским послом была А. Коллонтай. И хотя Коллонтай, заметил Берия, «сочувствует разгромленной оппозиции», трогать ее мы не будем. Нам важно сохранить ее как участника тайных переговоров, уже имевших место. Имейте это в виду на ближайший год, отмечал Берия, независимо от тех материалов, которые на нее придут.

«В Китай, — говорил он, — с тайной миссией к Чан Кайши предполагалось направить Панюшкина в качестве и посла, и резидента разведки. Но определять содержание диалога с американцами о противостоянии японцам в этой стране будет не Панюшкин, а Уманский, наш посол в США. Он же должен был заняться поддержанием отношений с Бенешем, когда тот придет в Америку из Европы. Имейте в виду, — наставлял Берия, — что Уманский будет выполнять одновременно ряд обязанностей главного резидента НКВД во всей Америке. По Германии мы определимся особо позднее, так считает тов. Сталин».

Мы молчали. Я попросил дать разъяснения по операции, связанной с Троцким. На что получил ответ: дело это исключительно важное. Троцкий, добавил Берия, должен быть уничтожен к началу большой войны, чтобы обезглавить остатки пятой колонны. Занимайтесь этим делом каждодневно, сказал Берия, но ликвидировать его можно и нужно с учетом того, что его одновременно используют и ненавидят как в Америке, так и в Европе.

В книге использованы материалы документов:

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П34/25 от 14.06.41 и Указа Президиума ВС СССР от 17.06.41 «О награждении гг. Меркадер К. Р., Эйтингон Н. И., Василевского Л. П. и др.».

Указ Президиума ВС СССР от 31.05.60 — закрытый.

Пост. СНК СССР от 24.06.41 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», объявленное пр. НКВД СССР от 26.06.41.

Пр. НКВД СССР № 00882 от 5.07.41.

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П34/287 от 30.07.41 «О назначении руководящих работников НКВД СССР», объявленное пр. НКВД СССР № 00984 от 31.07.41.

Пр. НКВД СССР № 001435 от 3.10.41.

Пр. НКВД СССР № 00145 от 18.01.42.

Справка о штатах и структуре НКВД СССР от 20.05.42.

Пр. МГБ СССР № 00447 от 9.10.46.

Пр. МГБ СССР № 569 от 15.02.47.

Записка МГБ СССР № 6990/А от 4.08.50 И. В. Сталину.

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П77/310 от 9.09.50, объявленное пр. МГБ СССР № 00532 от 28.09.50.

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П77/309 от 9.09.50, объявленное пр. МГБ СССР № 00533 от 28.09.50.

Пр. МВД СССР № 00318 от 30.05.53.

Пр. МВД СССР № 00601 от 31.07.53.

Записка МВД СССР № 876/к от 17.09.53 в Президиум ЦК КПСС.

КАНУН ВОЙНЫ

Внешние и внутренние задачи ОГПУ-НКВД

Центральный госпиталь КГБ, новое здание недалеко от станции метро «Щукинская». Отделение кардиологии. Небольшая палата, больничная койка. Непритязательная обстановка. Шепотом говорящие люди. За дверью слышны чьи-то неторопливые шаги. В палате все время горит свет. Это несколько напоминает тюремную камеру. Тем не менее разница огромна. Там можно было только думать, а тут не только думать, но и писать без постоянного контроля над тобой. После августа 1991 года и развала советского государства как-то по-особому ярко и четко вспоминается то великое и историческое время, когда ценой огромных усилий, человеческих жизней, колоссальным напряжением сил отстаивалась от нашествия фашистско-немецких полчищ шестая часть земли с названием Союз Советских Социалистических Республик.

Из головы все время не выходит катастрофа страшного обвала, потрясающей грызни, предательства военных, предательства чекистов, когда никто не вспомнил ни о присяге, ни о долге, чтобы защитить страну, защитить государство, интересами которого жили все советские люди. Если говорить по большому счету, то никто не встал на пути страшной кровавой драмы, которая развязалась на глазах всего мира. Сейчас огненные языки войны, локальные и этнические конфликты подступают к самому сердцу России со всех сторон. Война протекает то в явной, то в скрытой форме. На душе тревога, что будет впереди? Мы явно вступаем в новый мир.

Память то и дело возвращает к кануну 1941 года, ко времени, когда неуклонно нарастала опасность беспощадного столкнове-

ния с враждебным нам миром. Выбор был прост: или мы останемся суверенным государством, или нас уничтожат. Сейчас много выходит различных рассказов из-под пера лиц, допущенных к архивам, к старым секретным документам, освещающим зигзаги и повороты нашей истории. Но полезно все-таки взглянуть на то, о чем мало пишут и не говорят, — каким путем мы шли к созданию великой державы, попытаться разобраться во всем этом с позиций того, что происходило на Лубянке в то время.

Роль органов госбезопасности в советской истории можно оценить только после того, как не стало Советского Союза, неотъемлемой частью которого они были, вернее, были опорой той системы. В журналистике, да и в литературе, существует утверждение о том, что с созданием ОГПУ вместо ЧК после гражданской войны менялись главные функции наших разведывательных и контрразведывательных органов. Отчасти это так.

ЧК существовала в условиях чрезвычайных, в условиях гражданской войны. После смерти Ленина главная спецслужба страны была реформирована в объединенное государственное политическое управление. Однако она по-прежнему оставалась аппаратом осуществления политических репрессий как внутри страны, так и за границей. Очень важно при этом понять, что репрессии рассматривались партией и советским руководством как необходимое, вынужденное действие, цель которого — подавление политической оппозиции и укрепление советского государства. Одновременно ОГПУ стало тем, что было несвойственно ЧК. Оно выполняло важнейшую задачу информационно-аналитического обслуживания руководства страны. В тридцатые — пятидесятые годы без соответствующего заключения ОГПУ-НКВД-МГБ о «фактическом», как говорил Ленин, «положении дел» руководство страны, как правило, не принимало никаких решений по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики.

Создание внешней разведки в органах госбезопасности было продиктовано необходимостью проведения прежде всего контрразведывательной работы за рубежом среди эмиграции. Поэтому все операции против эмиграции первоначально осуществлялись контрразведывательным отделом ОГПУ под руководством А. Артузова. И не случайно, что он, руководитель контрразведки

в 1930 году, сменил М. Трилиссера на посту начальника внешней разведки. Внешняя разведка вплоть до 1939 года контрразведывательные задачи за границей решала в качестве главного направления своей деятельности.

Лишь в 1941 году после создания наркомата госбезопасности и организации в его структуре 1-го (разведывательного) управления перед разведкой были поставлены главные задачи в получении информации о намерениях правительств ведущих капиталистических стран, выявлении политических планов буржуазных государств, получении агентурным путем новых технологий для советской промышленности.

Разведка также должна была «активно сопровождать» мероприятия внешней политики СССР как крупнейшей державы мира. Но наряду с этим продолжалась и работа, начатая в контрразведывательных отделах ГПУ, по выявлению направленных против СССР заговоров и подрывной деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций, по вскрытию шпионской террористической деятельности на территории нашей страны иностранных разведывательных органов.

Смещение задач было связано с тем, что к началу 1941 года, то есть к кануну войны, разгром террористических, повстанческих и других антисоветских эмигрантских организаций в основном был завершен. Можно судить да рядить по поводу методов этой борьбы, однако очевидным является то, что активная оппозиция, жаждавшая войны против СССР и ратующая за сотрудничество с ведущими капиталистическими державами, была обезглавлена. В частности, было ликвидировано руководство Российского общевоинского союза. Он был полностью дезорганизован и никакой заметной политической роли в советско-германской войне уже сыграть не смог. Такой же эффект был получен и после ликвидации верхушки украинского националистического движения.

Нанося последние удары в тридцатых годах по руководителям ОУН и РОВС, спецслужбы СССР последовательно лишили эмиграцию доверия ведущих капиталистических государств, то есть того подспорья, на которое рассчитывали спецслужбы и военные круги западных стран, планируя будущее военное

столкновение с Советским Союзом. Для руководителей западных спецслужб было совершенно очевидно, что ставка на ослабленную нами эмиграцию в борьбе против СССР хотя и важна и может принести ущерб нашей стране, но вместе с тем бесперспективна. В военном противоборстве с Советским Союзом придется рассчитывать только на свои силы.

Ахиллесова пята внешней разведки накануне войны

Создание агентурного аппарата и агентуры влияния за границей, опирающейся на Коминтерн, позволило решить важную задачу получения необходимой информации о намерениях противника. При этом следует иметь в виду, что поскольку дипломатические отношения были ограничены, а права послов — полномочных представителей Советского Союза за границей до 1939 года, в особенности до прихода Молотова, — были огромными, несопоставимыми с правами послов сороковых — пятидесятых годов, важность каналов разведки приобретала особое значение для предварительной проработки ряда крупных внешнеполитических акций, осуществляемых советским правительством по усилению роли СССР как великой державы.

Надо сказать, что координация деятельности органов внешней разведки и спецслужб всегда являлась ахиллесовой пятой в советском государстве. Первоначально роль координатора работы военной разведки, ОГПУ, наркомата иностранных дел, Коминтерна и зарубежной разведки выполнял М. Розенберг, работник ЦК РКП(б), известный как первый представитель Советского Союза в Лиге Наций в качестве заместителя ее генерального секретаря, первый посол СССР в республиканской Испании. Но вопрос координации деятельности спецслужб заключался не в том, чтобы ставить перед кем-то какие-то задачи, дополнявшие функции военной разведки, ОГПУ и дипломатии или чтобы поддерживать конкуренцию между спецслужбами. Реальность тогда состояла в том, что в главных капиталистических странах в двадцатые — тридцатые годы действовали объединенные резидентуры ОГПУ и Разведупра Красной армии, тесно взаимодействовавшие с отделом международной связи — нелегальным аппаратом Коминтерна. На первом этапе это помогло создать мощный агентурный зарубежный аппарат. Од-

*Марсель Израилевич Розенберг (1896–1938) — советский дипломат.
Первый представитель СССР в Лиге Наций.
Во время Гражданской войны в Испании — полпред СССР
при республиканском правительстве.*

нако объединенные резидентуры Разведупра и НКВД в канун войны и когда она началась оказались очень уязвимыми. Связники и курьеры зачастую знали агентов, принадлежавших к различным советским спецслужбам. А провалы советской разведки в конце двадцатых — начале тридцатых годов в Польше и Китае вообще заставили в 1939 году отказаться от работы в рамках объединенных резидентур военной и политической разведки.

Важный момент для понимания событий того времени — соотношение деятельности Разведупра и разведки органов госбезопасности. Возьмем судьбу знаменитого руководителя советской разведки, вышедшего из контрразведки А. Артузова. Пишут как-то вскользь о том, что Артур Христианович Артузов, в оперативной переписке «Алексеев», возглавлял одновременно и Разведупр Красной армии, и ИНО ОГПУ. Почему это произошло? Потому что руководство страны после провалов в Европе и Китае искало наиболее приемлемую для себя форму координации разведывательной деятельности.

В 1930 году Бюро по координации деятельности разведки во главе с Розенбергом было упразднено. Тогда же на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) деятельность советской внешней разведки подверглась всестороннему критическому анализу, причем закордонная работа ОГПУ получила неудовлетворительную оценку. После вскрытия предательства Блюмкина Трилиссер был заменен Артузовым. В свете изменения внешнеполитической обстановки было принято решение пересмотреть приоритеты в работе разведки. Белоэмигрантское движение, противостояние которому являлось основной задачей ОГПУ в течение двадцатых годов, перестало представлять первостепенную угрозу для СССР.

Важнейшими направлениями работы Иностранного отдела (ИНО) были признаны создание надежной агентуры, способной добывать достоверную информацию политического, экономического и научно-технического характера, внедрение ее на жизненно важных объектах буржуазных государств. В 1933 году была определена структура центрального аппарата Иностранного отдела ОГПУ.

В 1934 году на Политбюро ЦК ВКП(б) был вновь поднят вопрос о закордонной работе советских спецслужб: Разведупра Красной армии и Иностранного отдела ОГПУ. Для разработки плана специальных операций за границей была образована постоянная комиссия в составе руководителей этих служб. Начальник ИНО ОГПУ А. Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведупра Красной армии.

В 1934 году в СССР существовало четыре самостоятельные разведывательные службы. Это Иностранный отдел НКВД, Раз-

*Артур Христианович
Артузов (1891–1937) —
деятель советских органов
государственной безопасности.
Один из основателей советской
разведки и контрразведки,
корпусной комиссар (1935)*

ведуправление Красной армии, отдел международной связи Коминтерна и Специальная группа особого назначения при наркомате внутренних дел (СГОН) Я. Серебрянского («Группа Яши»). В этих условиях Артузов по совместительству был назначен заместителем начальника военной разведки. Почему? Потому что речь шла о необходимости кардинального укрепления контрразведывательного обеспечения закордонной работы нашей разведки. Опыт Артузова, знание им русской эмиграции, которая была одним из основных источников формирования агентуры, больше всего нужны были в этот период. Вскоре Артузова в качестве начальника ИНО сменяет А. Слуцкий. Артузов возвращается вновь в НКВД в 1937 году в качестве консультанта, рядового сотрудника.

Абрам Аронович Слуцкий (1898–1938) — деятель советской разведки, комиссар государственной безопасности 2-го ранга (1935). Руководитель Иностранного отдела (внешняя разведка) ГУГБ НКВД СССР (1935–1938). Убит сотрудниками НКВД во время репрессий в НКВД 1937–1938 годов.

Возьмем период репрессий. Ведь не случайно в 1937 году Разведупром Красной армии руководил старший майор госбезопасности Гендин. Дело в том, что, возглавляя одно время военную контрразведку, Гендин имел довольно хорошее представление о работе аппарата военной разведки, знал компрометирующие материалы на его основных сотрудников. В годы войны мы также искали формы организационного взаимодействия в работе разведывательных органов как по линии госбезопасности, так и по линии военной разведки.

Мне довелось возглавлять не только 4-е управление НКВД-НКГБ, известное как диверсионно-разведывательное управление, но по совместительству в течение всей войны, за исключением, кажется, шести месяцев 1942 года, вплоть до июня

1946 года быть заместителем начальника всей внешней разведки госбезопасности. Этого требовала необходимость координации деятельности спецслужб, ибо зафронтовая работа против противника базировалась на использовании всего потенциала агентурных, оперативных и технических возможностей НКВД-НКГБ как внутри страны, так и за рубежом.

Персонификация внешней политики

В канун войны произошло очень важное, мало кем замеченное событие — персонификация внешней политики. Она замкнулась на конкретных руководителях советского государства: Сталина и Молотова. Разведка, как правило, не посвящалась в те внешнеполитические стратегические задачи, которые рассматривались высшим руководством страны. Только по мимо-летним суждениям Молотова, Берии, Микояна и Вышинского можно было иногда судить о мотивах принятых решений. Поскольку соображения «за» и «против» обсуждались на самом верху, для разведки была определена главная задача — поставлять руководству не анализ разведданных, а информацию о жизни советского общества и об обстановке за рубежом. Разведка, в дополнение к излагаемым данным, должна была докладывать «наверх» лишь соображения о том, заслуживает ли источник информации и его сведения доверия. Сообщения, касающиеся необходимости корректировки внешней политики государства по линии НКВД-НКГБ, Сталину в 1939–1941 годах не представлялись. Очень важно отметить, что эта традиция, установленная еще в советское время, продолжается зачастую и сейчас.

Если мы читаем докладные записки того времени, направленные руководством наркоматов внутренних дел и государственной безопасности руководству страны, то увидим, что в них содержатся просьбы получить согласие на проведение очередной крупной операции, которая в военно-политическом плане означала новые нюансы в отношениях с иностранным государством, либо они касались вербовки особо важных сотрудников и использования определенных финансовых средств.

А с какими инициативами выступало руководство наркомата внутренних дел или наркомата госбезопасности в канун и во время войны, по каким вопросам государственного строи-

тельства? Чаще всего речь шла о расстановке кадров, о получении санкций на проведение агентурно-оперативных мероприятий, имеющих существенное политическое или международное значение. Но чаще всего предложения НКВД и наркомата госбезопасности накануне и в годы войны касались реализации директив правительства.

Иерархическая пирамида представления информации тех лет выглядела так. «Наверх» выходил народный комиссар, министр. Он докладывал и формулировал вопрос. Когда существовал Комитет информации под руководством члена Политбюро ЦК ВКП(б), 1-го заместителя председателя Совмина СССР, министра иностранных дел В. Молотова с 1947 по 1949 годы, то Молотов имел самостоятельный выход на Сталина. Начальник разведки выходил или на наркома, или на его заместителя. Такими людьми в канун и в годы войны были В. Меркулов и Б. Кобулов. Кобулов — заместитель Берии по НКВД в 1939–1941 годах — был единственный заместитель наркома госбезопасности в разгар войны, в 1943–1945 годах. Других заместителей, курировавших агентурную работу в НКГБ в тот период, не было. И это при громадном ее значении.

Важно и то, что начальник Разведупра Красной армии имел, в отличие от начальника разведки НКВД-НКГБ, в ряде случаев право самостоятельного выхода на высшее руководство, то есть на Сталина. Сталин регулярно принимал у себя в Кремле и на даче руководителей военной разведки, причем зачастую без участия в беседе начальника Генерального штаба. Однако руководителей внешней разведки органов госбезопасности и закордонных резидентов НКВД-НКГБ он всегда принимал вместе с их непосредственными руководителями — Берией, Меркуловым и Кобуловым.

Главное из главных

Главными подразделениями в НКВД накануне войны были: 1-е разведывательное управление, 2-е управление, 3-е, недолго просуществовавшее, секретно-политическое управление (СПО) и управление особых отделов.

Основным направлением в работе органов разведки и контрразведки являлось немецкое.

Главным направлением в работе особых отделов и военной контрразведки также было немецкое.

Главным направлением в работе секретно-политического направления по-прежнему был разгром антисоветских политических партий, остатков «троцкистского подполья» и тому подобных оппозиционных организаций внутри страны.

Первый отдел контрразведывательного аппарата был самым важным. Он разрабатывал агентуру немецкой и польской разведок. Второе направление было нацелено на Японию, которая считалась одним из главных наших противников. Третье направление занималось отслеживанием действий английской и американской резидентур. Разрабатывали контрразведчики и наших неактивных противников — главным образом действия спецслужб нейтральных стран на нашей территории. Очень важно отметить, что в составе контрразведывательного отдела было специальное подразделение, которое занималось охраной дипломатического корпуса.

В организации разведывательной работы за границей опять-таки ведущее направление было немецкое.

Второе — связано с Францией, Италией, странами, оккупированными немцами. Третье — нацелено на США. Оно также включало в себя научно-техническую разведку. Четвертое направление касалось Японии, Маньчжурии, Кореи и Китая. Специальным направлением считались Синьцзян, Монголия и другие территории на Дальнем Востоке.

Наряду с этими обстоятельствами следует отметить, что контрразведывательное управление и управление военной контрразведки, а также транспортное управление имели самостоятельные выходы за границу через соответствующую агентуру. Большую разведывательную работу проводило управление пограничных войск, которое имело свои собственные разведывательные отделы и в соответствии с положением о нем также отвечало за разведку театра военных действий в прифронтовой полосе. Это смешение функций очень отчетливо себя проявило в том, что информация, поступающая по различным источникам, нуждалась в правильной координации деятельности основных оперативных разведывательных подразделений. Зачастую это не удавалось осуществить. Скажем, управление

пограничных войск вообще вышло в 1941 году из структуры органов госбезопасности и перешло в НКВД. Это удлинило сроки ознакомления с материалами разведки погранвойск руководства органов безопасности. Усложнилась реализация этих материалов. Курирование основных направлений работы также усложнилось, например, транспортное управление в канун войны осуществлялось в большой степени по линии НКВД, так как его начальник С. Мильштейн имел личный выход на Берию как на наркома внутренних дел, хотя формально работал в аппарате наркомата госбезопасности.

Контрразведывательную и разведывательную работу курировал заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов. К нему стекалась вся информация.

Эта структура НКВД-НКГБ дает нам основания понять два момента. Во-первых, не было никаких иллюзий, что главным противником является Германия, и, во-вторых, что источник войны находится в пределах Европейского театра военных действий. Работа Секретно-политического управления (СПУ) заключалась в том, чтобы парализовать во время войны, в особых обстоятельствах использование остатков антисоветских политических партий и организаций — основного резерва вражеских спецслужб в противоборстве с советским государством. Еще одно направление в работе СПУ, перешедшее из иностранного отдела, — недопущение вооруженных выступлений националистических организаций в поддержку главного вероятного противника. Главная нацеленность на оперативно-розыскные мероприятия всего аппарата госбезопасности сыграла очень большую роль в будущей войне. Никаких организованных групп, которые бы выступили в поддержку немцев, в нашем тылу не могло возникнуть. Так было всюду, за исключением Прибалтики и Западной Украины. По учетам НКВД, основные лица, которые могли сотрудничать с противником, были известны.

Но тем не менее масштаб содействия немцам в годы войны был все равно значительным. Во власовской армии и вспомогательных формированиях служило свыше 250 тысяч человек. После разгрома фашистской Германии у нас был создан мощный учетный аппарат. С его помощью мы хорошо знали участников формирований, оставшихся в эмиграции, а также тех, кто был

захвачен в плен. После войны мы обладали всеми реальными возможностями не допустить использование этой силы в массовом порядке против советского государства. Мы знали людей, которых могли бы завербовать для своих целей западные спецслужбы. И это обеспечило локализацию так называемых повстанческих выступлений в Прибалтике и на Западной Украине в 1944–1950 годах. Исключена была возможность перехода вооруженной борьбы на внутренние районы страны.

Кто руководил контрразведкой?

Так совпало, что мое назначение заместителем начальника иностранного отдела в мае 1939 года было связано со значительными кадровыми перестановками, проведенными в аппарате органов госбезопасности и военной разведки.

Кто возглавлял главные направления работы госбезопасности в предвоенный период и во время войны в области контрразведки? Прежде всего следует отметить смену руководителей оперативных подразделений. 1-й отдел ГУГБ, отвечавший за охрану Сталина, в 1939 году возглавлял Власик, который от рядового работника охраны дошел до поста начальника охраны Сталина. Но, думаю, следует остановиться на тех, кто непосредственно руководил разведывательной и контрразведывательной работой. Среди деятелей этого направления того времени следует выделить прежде всего П. Федотова, первоначально возглавлявшего секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, то есть 2-й отдел, как он тогда именовался, и позднее тот же Федотов возглавлял 3-й отдел ГУГБ — контрольно-разведывательный. Первым заместителем его был Л. Райхман.

Петр Васильевич Федотов — кадровый работник органов безопасности, очень взвешенный человек, отличительной чертой его характера была медлительность в принятии решений. Тандем его инициативного заместителя Леонида Райхмана и медлительного Федотова, скрупулезно выполнявших все установки, шедшие сверху, просуществовал довольно долго, и сотрудничество этих людей, начавшееся в 1939 году, продолжалось вплоть до 1946 года, когда Федотов возглавил уже внешнюю разведку, первоначально в МГБ СССР, а потом в Комитете информации.

Федотов Пётр Васильевич (1901–1963) — деятель советских спецслужб, генерал-лейтенант (1945). С 26 февраля 1941 г. — начальник 2-го управления НКГБ, с 31 июля 1941 г. — НКВД, а с 12 мая 1943 г. — опять НКГБ (затем МГБ) СССР.

Надо сказать, что Райхман в 1946–1951 годах продолжал руководить контрразведывательной работой, став первым заместителем Е. Питовранова, начальника контрразведывательного управления с 1946 года, а позднее заместителя министра госбезопасности. Фактически всю эту работу инициативно направлял Райхман вплоть до своего ареста в октябре 1951 года. Он был незаурядным, очень хорошо знающим агентурную работу человеком, совершенно искренне считавшим свою деятельность специальным направлением партийной работы. Райхман сам провел ряд важных агентурных комбинаций, в его распоряжении был мощный аппарат.

Первоначально особый

отдел, то есть военную контрразведку, возглавлял В. Бочков — выпускник военной академии имени Фрунзе, пришедший по партийному набору. Он обладал довольно широким военным кругозором. В 1940 году он неожиданно был выдвинут на должность Генерального прокурора. Дело в том, что М. Панкратьев, сменив Вышинского, обвинил Берию в прекращении дел против «врагов народа», в освобождении лиц, по которым прокурор не усматривал оснований прекращения уголовного преследования. Было создано две комиссии по этим вопросам. Почему две? Панкратьев писал на Берию заявления дважды. Одно заявление было написано в 1939 году, сразу как Панкратьев стал Генеральным прокурором. По этому заявлению работала комиссия, которая не

нашла злоупотреблений служебным положением и халатности по прекращенным делам. В 1940 году Панкратьев вновь написал заявление, в котором утверждал, что опять прекращаются дела, возбужденные в отношении врагов народа, и их прекращение, на его взгляд, является необоснованным, недостаточно согласованным с прокуратурой. Вторая комиссия также осуществила проверку и снова не нашла подтверждений. После этого Панкратьев был снят с должности Генерального прокурора, а на его должность был выдвинут Бочков, юридически совершенно неподготовленный человек, окончивший военную академию. Но тем не менее считалось, что он может провести в жизнь все необходимые директивы по правоохранительной деятельности.

С обстоятельствами отставки В. Бочкова с поста Генерального прокурора связаны трагические события, а именно убийство дочери посла СССР в Мексике К. Уманского и самоубийство сына министра авиационной промышленности Шахурина. Было возбуждено уголовное дело. Следствие по нему вел лично заместитель наркома ГБ Б. Кобулов и начальник секретно-политического управления, предшественника идеологической контрразведки КГБ, Н. Сазыкин. Бочков стремился замять его. Но Сталин приказал дать ему ход и рассматривать его как пример бытового разложения членов семей советского руководства. Дело быстро приняло политическую подоплеку. В него оказались втянутыми дети других ответственных работников, в частности члена Политбюро А. Микояна. Семьи Микояна, Шахурина и других наркомов жили в атмосфере постоянного напряжения и страха. Дети ответственных работников, принадлежавшие к «золотой молодежи» того времени, были осуждены за незаконное хранение и использование чужого огнестрельного оружия. Пытавшийся замять это дело Бочков был снят с должности Генерального прокурора и вернулся на службу в конвойные войска.

Значительно больший след в военной контрразведке оставил В. Михеев. Он запомнился мне инициативным работником, понимавшим, что главная задача военной контрразведки заключалась в ограждении наших вооруженных сил от проникновения вражеской агентуры и срыве разведывательно-диверсионных операций в ближнем тылу наших пограничных военных окру-